

Чи Е снова невольно пожалел о низком уровне эмоционального интеллекта Хэ Линя. Второй господин, столько лет успешно ведущий дела, разве его секрет успеха заключается в том, чтобы заморозить всех конкурентов своим взглядом?

— Ты был на кухне днем? — наконец Хэ Линь сжалился и нарушил молчание, хотя по-прежнему говорил скупно.

— А, да, — Чи Е, опасаясь, что случайно нарушил какие-то правила господина, поспешил объяснить:

— Я действительно хотел заранее сообщить, но дядя Чжу сказал, что вы работаете, и не стоит вас беспокоить из-за таких мелочей...

Хэ Линь прервал его болтовню:

— Что делал?

— Печенье, — Чи Е, сидя на стуле перед гучжэном, задумался, стоит ли встать, чтобы ответить.

Хэ Линь поднял взгляд:

— Где оно?

Чи Е решил, что лучше стоять:

— Дядя Чжу сказал, что уже раздал всем.

Хэ Линь настаивал:

— Каждому?

Чи Е внимательно подумал:

— Кажется, да.

Хэ Линь сделал паузу, а затем медленно произнес:

— А мое?

!..

Чи Е мысленно закончил рисовать третью точку под восклицательным знаком, прежде чем смог восстановить дыхание.

Неужели второго господина подменили на главного героя романтического романа?

Чи Е выглядел немного растерянным, что на другом человеке выглядело бы некрасиво.

Но он был слишком хорош собой, к тому же специально принарядился, и его юношеская чистота и невинность делали его еще более очаровательным.

Хэ Линь не мог оторвать взгляда.

Чи Е с трудом подбирал слова:

— На самом деле, ваша порция была... нет, она должна была быть целиком вашей. Но оно получилось таким уродливым, что я не смог его подать.

Хэ Линь не отступал:

— Насколько уродливым?

Чи Е честно ответил:

— У меня не было формы, и несколько иероглифов были неразличимы.

Хэ Линь удивился:

— Ты еще и иероглифы писал на печенье?

Чи Е кивнул:

— Да.

Хэ Линь замолчал на несколько секунд.

Он размышлял, как бы он отреагировал, если бы Чи Е написал «Я тебя люблю», «Ты мне нравишься» или «Прости меня».

Он чувствовал легкое беспокойство, напряжение и даже волнение.

Сдерживая скрытое ожидание, Хэ Линь старался говорить ровно:

— Что ты написал?

Чи Е, пересчитав на пальцах 24 иероглифа, произнес:

— Процветание, демократия, цивилизация, гармония, свобода, равенство, справедливость, законность, патриотизм, трудолюбие, честность, доброжелательность.

Хэ Линь: «...»

Кровь прилила к голове.

Чи Е явно почувствовал, что температура в комнате снова упала.

Только что наступившее облегчение снова сменилось напряжением.

И действительно, в следующую секунду Хэ Линь с мрачным лицом спросил:

— Ты выучил «Основные социалистические ценности»?

Чи Е: «...»

«Такой переменчивый характер совсем не подходит взрослому человеку!» — подумал он.

Несколько раз сдерживая гнев, Хэ Линь, нахмурившись, холодно приказал:

— Повтори.

Никаких возражений! Это было просто жестоко, беспощадно и несправедливо.

Чи Е надулся:

— ...А?

Хэ Линь не хотел видеть обиду в красивых глазах Чи Е, это смягчило бы его.

И он не хотел, чтобы Чи Е увидел его раздражение, это было слишком унижительно.

Поэтому он сказал:

— Повернись и повтори.

Хэ Линь имел в виду, чтобы Чи Е просто повернулся к окну, чтобы не смотреть на него.

Но Чи Е понял это совсем иначе.

Не только нужно повторять текст, но и стоять лицом к стене! Что это за извращенная привычка?

Чи Е уже не знал, с чего начать свои возражения, но, учитывая нестабильное настроение начальника, решил вести себя смиренно, чтобы не навлечь на себя гнев.

Он обошел Хэ Линя, сидящего на диване, и, стараясь идти тихо, подошел к самой большой стене в комнате, окрашенной в ярко-оранжевый цвет.

Повернулся лицом к стене, выпрямился.

Ноги вместе, спина прямая.

Хэ Линь: «...» Учитывая свой имидж, он не мог просто подойти и вернуть его.

Чи Е глубоко вздохнул, преодолев огромный психологический барьер, и начал свое представление:

— Ценности на государственном уровне: процветание, демократия, цивилизация, гармония.

С правильной интонацией, с четкими паузами, его чистый голос звучал уверенно.

Он говорил спокойно и естественно, больше похоже на актера, читающего текст с чувством, чем на человека, заучивающего скучный материал.

На самом деле, в прошлой жизни Чи Е действительно был мастером сценической речи.

Хэ Линь замер. В третий раз за день он был поражен тем, насколько изменился Чи Е, словно он переродился.

Чи Е продолжил:

— Ценности на общественном уровне: свобода, равенство, справедливость, законность.

Хэ Линь прижал палец к переносице.

Он наконец осознал, что перегибает палку. В конце концов, сегодня Чи Е ничего плохого не

сделал, печенье было просто проявлением доброты.

Чи Е закончил:

— Ценности на личностном уровне: патриотизм, трудолюбие, честность, доброжелательность.

Хэ Линь чувствовал, как пульсирует его висок.

Под влиянием авторитетной, глубокой и одновременно простой идеологии, господин осознал, что был недостаточно спокоен и рационален, и потерял самообладание.

Он не ожидал, что Чи Е будет так покорно терпеть все его придирки, не проявляя ни малейшего недовольства.

Хэ Линь медленно повернулся, его взгляд остановился на спине Чи Е, стоящего лицом к стене.

Худой, тонкий, жалкий.

Хэ Линь покачал головой. Так издеваться над человеком было неправильно.

Чи Е как раз закончил повторять ту часть, которую знал лучше всего, а дальше текст был ему незнаком. Он замер, нервничая, сердце колотилось в горле.

К счастью, Хэ Линь вовремя остановил его.

Чи Е вздохнул с облегчением, моргнув в сторону стены, и подумал, что ему удалось избежать неприятностей.

Оказывается, совет Линь Ишуя действительно работал, можно было временно вычеркнуть его из черного списка.

Хэ Линь слегка кивнул, давая понять Чи Е, что можно сесть.

Спальня была большой, но мест для сидения было только два: диван, который занимал Хэ Линь, и удобная кушетка, на которую Чи Е и сел.

Чи Е за день успел поплавать, поспать, испечь печенье и поиграть на гучжэне, и его силы были на исходе. Пока он стоял, он еще мог держаться, но, сев на мягкую кушетку, невольно расслабился, вся верхняя часть тела погрузилась в подушки.

Хорошо, что он хотя бы не снял обувь и не положил ноги на кушетку.

Хэ Линь заметил усталость Чи Е.

— Сегодня ты... — Хэ Линь внезапно замолчал, не закончив фразу.

Он хотел спросить: «Зачем ты сегодня все это делал?», но, передумав, решил, что не хочет слышать ответ.

Соблазнение, угождение или лесть — любое из этих слов звучало бы слишком резко.

Хэ Линь, много лет выживавший в жестоком мире бизнеса, привык ранить других, но сейчас он не хотел видеть, как Чи Е мучается.

Чи Е же был куда более спокоен. В прошлой жизни он пережил слишком много трудностей, и давно научился не обращать внимания на собственное достоинство. Он всегда полагался на то, что могло помочь ему выжить.

— Я хотел вам угодить, — Чи Е пожал плечами.

Возможно, из-за расслабленной позы он на время забыл о своей обычной осторожности и сдержанности в присутствии Хэ Линя, и в его голосе прозвучала юношеская непосредственность.

— Раньше «Чи Е» действительно совершал ошибки, но время нельзя повернуть назад, и прошлое изменить нельзя. Я могу только попытаться исправить ситуацию, чтобы загладить свою вину.

В глазах Хэ Линя мелькнул интерес, он поднял взгляд и пристально посмотрел на Чи Е.

Он был искренен.

Никаких изъяснов.

Если это была игра, то он заслуживал аплодисментов за свое актерское мастерство.

Хэ Линь закрыл глаза, не осознавая, что уже сделал шаг назад:

— Чего ты хочешь?

— Выходить из дома, — Чи Е ответил прямо, понимая, что его маленькие хитрости не обманут Хэ Линя. — Я хочу работать.

— Работать?

Хэ Линь поднял бровь, словно услышав что-то смешное.

В его глубоких глазах мелькнула насмешка, быстро, но Чи Е, умеющий читать людей, сразу это заметил.

Чи Е тоже был в отчаянии.

Слишком много ям оставил прежний хозяин тела, и он то и дело на них наступал.

<http://bllate.org/book/16160/1448046>